

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1905.

№ 19.

ГОДЪ Сорокъ шестой.

1 Октября.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію, съ пересылкой и доставкой, 5 рублей. Подписка принимается въ редакціи, при Одесской духовной семинаріи.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, въ 27-й день минувшаго августа, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи назначеннаго на каѳедру епископа Чистопольскаго, перваго викарія Казанской епархіи, преосвященнаго **Теодосія**, согласно прошенію, по болѣзненному состоянію, на покой впредь до выздоровленія и о бытіи второму викарію Херсонской епархіи, преосвященному Елисаветградскому **Алексію** епископомъ Чистопольскимъ, первымъ викаріемъ Казанской епархіи, и второму викарію сей епархіи, преосвященному Чебоксарскому **Хрисанфу**—епископомъ Елисаветградскимъ, вторымъ викаріемъ Херсонской епархіи.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣленія на мѣста.

Резолюціями Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго **Димитрія**, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, послѣдовавшими:

24 сентября, священникъ с. Байдабовки, **Александрійскаго** уѣзда, **Іоаннъ Надеждинъ** назначень *слѣдователемъ* 2-го **Александрійскаго округа**;

27 сентября, священникъ Николаевской церкви г. Одессы Гавріиль *Леончуковъ* назначенъ членомъ Херсонскаго Епархіального Попечительства.

Перемѣщенія.

Резолюціями Его. Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго *Димитрія*, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, послѣдовавшими:

24 сентября, исполняющій обязанности псаломщика села Надлака, Елисаветградскаго уѣзда, Георгій *Крысинъ*, согласно прошенію, перемѣщенъ въ с. *Краснополь*, Тираспольскаго уѣзда;

— священники с. *Антоно-Кодинцово*, Одесскаго уѣзда, *Бирилль Карлашевъ* и с. *Баловнаго*, Херсонскаго уѣзда, *Александръ Карлашевъ*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого;

28 сентября діаконъ с. *Козыревки*, Александрійскаго уѣзда, *Евѳимій Синицкій*, согласно прошенію, перемѣщенъ на штатное діаконское мѣсто въ Собору города *Анаѣева*.

Свободныя мѣста.

А) Священническія:

Въ г. *Одессь*, при Покровской церкви, 1-е мѣсто, съ 4 авг.

Въ г. *Одессь*, при Исправительномъ пріютѣ, съ 3 августа.

Въ г. *Елисаветградъ*, при Соборѣ, 1-е мѣсто, съ 25 авг.

Въ с. *Дальнихъ Лагеряхъ*, Елисаветградскаго уѣзда, съ 27 іюля.

Въ с. *Хмилевомъ*, того же уѣзда, съ 20 іюля.

Въ с. *Новокрасномъ*, того же уѣзда, 2-е мѣсто, съ 5 сент.

Въ п. *Богоявленскъ*, Херсонскаго уѣзда, при Богоявленской церкви, 2-е мѣсто, съ 9 сентября.

Въ м. *Широкомъ*, того же уѣзда, при Покровской церкви, 2-е мѣсто, съ 15 іюня.

Въ с. *Святотроицкомъ*, Анаѣевскаго уѣзда, 2-е мѣсто, съ 2 апрѣля.

Б) Псаломщиція:

Въ м. *Трикратахъ*, Елисаветградскаго уѣзда, съ 2 сентября.

Въ м. *Глосссахъ*, того же уѣзда, при Покровской церкви.

Въ с. *Грузскома*, того же уѣзда, съ 2 іюля.

Въ с. *Коробчино*, того же уѣзда, 2-е мѣсто.

Въ с. *Надлакь*, того же уѣзда, 1-е и 2-е мѣсто.

Въ с. *Козыревкь*, Александрійскаго уѣзда, съ 28 сентября.

Въ с. *Корсуновкь*, того же уѣзда, съ 9 сентября.

По распоряженію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, отъ 28 августа сего 1905 года, Херсонская духовная Консисторія предписываетъ духовенству Херсонской епархіи прочесть послѣ Божественной литургіи во всѣхъ церквахъ епархіи пропечатанные въ № 16 Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за сей годъ Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ, состоявшійся въ 6-й день августа сего года, объ учрежденіи Государственной Думы, а также Высочайше утвержденныя въ тотъ же день: Учрежденіе Государственной Думы и Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

О пожертвованіяхъ въ пользу св. храмовъ.

Въ Архангело-Михайловскую церковь м. *Трикрать*, Елисаветградскаго уѣзда, при посредствѣ приходскаго попечительства поступили слѣдующія пожертвованія: выносная плащаница съ предстоящими, цѣною въ 57 руб. 30 коп., парчевыя облаченія для священника и діакона—въ 86 руб., облаченія для священника и діакона изъ парусины—въ 11 руб. 50 коп. (тѣ и другія устроены хозяйственнымъ способомъ); деньгами 29 руб. на нужды мѣстной церковно-приходской школы и волшебный фонарь съ картинами—въ 81 р. 59 к.; иконы: Св. Иоанна Крестителя, писанная масляными красками на полотнѣ—въ 5 р. 90 к., такая же Св. Архистратига Михаила—въ 7 р. 90 к., такая же Свв. Власія, Харалампія, Флора и Лавра въ кіотѣ отъ кр. М. Цимбала—въ 17 р., евангеліе въ $\frac{1}{4}$ л.—12 р., напрестольное облаченіе изъ манчестра—

22 р., панихидница—9 р., шелковое священническое полное облачение съ подризникомъ—60 р., большой ставникъ съ фарфоровой свѣчей—въ 45 р. 25 к., футляръ изъ палисандроваго дерева для дарохранительницы въ 20 вер. высоты—33 р. 50 к., 2 копыя стальныхъ съ костяными ручками—2 р., всенощное блюдо отъ кр. Онисима Кологриваго—10 р., 2 стихаря для мальчиковъ—14 р., опайное евангеліе въ листъ отъ І. Демиденко—40 р. 25 к., пара бронзовыхъ хоругвей отъ кр. д. Николаевки—85 р., евангеліе молебное отъ К. Кочетова—12 р., икона Преп. Серафима, Саровскаго чудотворца на аеонскомъ кипарисѣ въ 2 арш. 2 верш. $\times$ 18 вер. въ стоячемъ кіотѣ въ 4 арш. подъ стекломъ, съ бронзовой лампадой съ финифт., столикъ передъ иконою крашеный съ позолотой и изображеніемъ святыхъ для малой иконы Св. Серафима, малая икона Св. Серафима, рѣшетка вокругъ иконы и ставникъ малый, стоимость этихъ предметовъ 214 р.; все это пожертвовано кр. Тихономъ и Екатериной Ѳоменко и Іустинномъ Палиенко въ память рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича. Деньгами поступило на постройку церковнаго дома по подписному листу отъ мѣстнаго владѣльца и его супруги В. В. и О. О. Скаржинскихъ 100 р., Э. Хр. Окснера 50 р., Г. А. Эрнста 50 р., Т. Котова 50 р., А. Шинкевича 20 р., С. Зачаева 15 р., М. Водолаги 15 р., А. Пономаренко и О. Кологриваго 11 руб., Р. Иваненко 7 руб., Х. Савченко 5 р., І. Виноградчаго 5 р. 50 к., К. Кочетова 5 р., С. Мальченко 5 р., С. Максютенко 6 р., П. Коблянскаго 5 р., М. Поппеля 5 руб., А. Ярковскаго 4 руб., П. Созонова 3 руб. 50 коп., Т. Скрипилева 3 руб., Гр. Савченко 3 руб., М. Созонова 3 руб., В. Зайки 3 руб., Л. Шлоссера и М. Ромбара 3 р., С. Кравченко 3 р., отъ неизвѣстнаго 3 р., І. Вебера 3 р., П. Шинкевича 3 р., В. Овчаренко 2 р. 50 к., А. Скрипниченко 2 р., А. Владимірскаго 2 р., Т. Максютенко 2 р., М. Рѣзуна 2 р., Ф. Шлоссера 2 р., С. Кенигсфеста 2 р., Д. Винника 2 р., А. Тарасова 2 р., Д. Баумана 2 р., С. Цвѣликова 2 р., М. Дубосарскаго 1 р. 50 к., Л. Гугеля 1 р. 50 к., П. Любаша 1 р. 50 к.; по 1 руб.: отъ Гр. Савченко, Е. Савченко, І. Демиденко отца и сына, Ѳ. Шинкевича, Ив. Рѣпьяха, Ст. Рѣпьяха, І. Шинкевича, В. Шинкевича, Д. Максютенко, Аѳ. Рѣпьяха, П. Гольберга, Д. Басенко, Ѳ. Сторчака, К. Родзевича, Т. Околота, Сергія Фирлія, Силы Фирлія, Ив. Бурнуса, П. Николаева, В. Мышакина, В. Мышакина, В. Игнатьева, Іуст. Палиенко, С. Андрейченко,

И. Палиенко, К. Цвѣликова, Ст. Вовченко и М. Цымбала; по 50 к.: отъ З. Мышакина, А. Костенко, К. Максютенко, И. Чернова, А. Уденко, Н. Макаренко, Ив. Левченко, Е. Цивильской, С. Николенко, Т. Глобы, П. Заворотченко, I. Фугеля, П. Кочерги, И. Кологриваго; по раскладкѣ: изъ м. Трикратъ 48 р. 05 к., изъ д. Актовой 30 р., Мертвоводскихъ хуторовъ 8 р., д. Вороновки 4 р. 15 к., мелкихъ пожертвованій (изъ попечительской кружки) 85 р. 23 к., за извозъ 27 р. 50 к., лѣснымъ матеріаломъ отъ Л. Кліонскаго 10 р.. Всего на постройку церковнаго дома поступило деньгами и матеріаломъ 664 р. 93 к., церковныхъ вещей и утвари на 855 р. 19 к.

Съ разрѣшенія Херсонской духовной Консистеріи въ Св. Анастасіевской церкви с. Анастасіевки, Тираспольскаго уѣзда, былъ перемѣненъ старый разбитый колоколь, вѣсомъ 21 пудъ на новый, вѣсомъ 30 пудовъ 8 фунтовъ,—каждый пудъ новаго колокола стоилъ 20 рублей, всего за 29 пудовъ 580 рублей и привиллигированный языкъ къ нему съ мѣднымъ бойкомъ на резиновой прокладкѣ, вѣсомъ 1 пудъ 8 фунтовъ—19 рублей 20 копѣекъ; такимъ образомъ весь колоколь стоитъ 599 рублей 20 копѣекъ. За старый разбитый колоколь, вѣсомъ 21 пудъ и за каждый пудъ по 12 р. 70 к. получено 366 р. 70 к.,—слѣдовательно Св. Анастасіевской церкви оставалось доплатить 232 р. 50 к. Эта недостающая сумма для уплаты за новый колоколь поступила отъ доброхотныхъ жертвователей прихода с. Анастасіевки въ количествѣ 258 р. 79 к. Лица жертвователей слѣдующія: баронесса Елена Ивановна Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ 25 р., княгиня Марія Ивановна Андроникова 25 р., бароны и баронессы: Павелъ Адольфовичъ, Георгій Адольфовичъ, Вѣра Георгіевна и Надежда Константиновна Клодтъ фонъ-Юргенсбурги 20 р., Яковъ Яковлевичъ Келлеръ 20 р., церковный староста Димитрій Рябчукъ 30 р., священникъ Сергій Брадучанъ 10 р., Екатерина Константиновна Коронелли 5 р., псаломщикъ Леонидъ Величковъ 3 р., Тимошей Ивановъ 3 р., Надежда Петерсонъ 2 р., Никифоръ Стецура 2 р., Гавріиль Мельниченко 3 р., отъ жителей селеній, деревень и хуторовъ: с. Анастасіевки 12 р. 74 к., Ново-Екатериновки 24 р. 15 к., Толстухи 12 р. 95 к., Анаксіи 8 р. 30 к., Варбановъ 9 р. 30 к., Кордалилевой 10 р., собрано въ храмовой день 29 октября 1904 года 15 р. 95 к., Парканскаго хутора 3 р. 60 к., отъ служащихъ въ Парканской экономіи 10 р. 80 к.; итого поступило вмѣстѣ съ деньгами 6 р. отъ

служащихъ на ст. „Мигаево“ 258 р. 79 к. Изъ этихъ денегъ на ст. „Веселый Куть“ по накладной было уплачено 232 р. 50 к., а 26 р. 29 к. было израсходовано на отправку стараго и приставку новаго колоколовъ и уплачено кузнецу за новыя хомуты и подвѣску колоколовъ. Для подвѣски колоколовъ купцомъ Константиномъ Емельяновичемъ Голубовымъ была пожертвована новая желѣзная строевая балка, стоимостью 16 р.

За январьскую и майскую трети сего года въ Св. Николаевскую церковь с. **Новаковни** поступило пожертвованій отъ слѣдующихъ лицъ: Бобринецкій мѣщанинъ Аеанасій Андреевъ Кондзеба пожертвовалъ полное священническое облаченіе, цѣною 55 руб.; деревни Оситняжки крестьянинъ Макарій Твердоступъ—шелковое синяго цвѣта покрывало на престолъ, цѣною 20 р.; деревни Перловой крестьянинъ Іустинъ Боченко—шелковое розоваго цвѣта покрывало на престолъ, цѣною 25 р.; церковный староста Іаковъ Чудненко—икону „Тайной вечери“, стоимостью 15 р.; деревни Мишерошовки землевладѣлецъ Балицкій—полное священническое облаченіе изъ желтой парчи, цѣною 65 руб. и села Новаковки крестьяне Лаврентій Шевцовъ и Максимъ Чеботаревъ соорудили кіотъ для иконы Божіей Матери „Сухо-Калигорской“, стоимостью 155 р. Итого пожертвовано на сумму 335 р.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Редакціи „Троицкихъ Листновъ“ (Свято-Троицкая Сергіева Лавра) продается Листокъ: Голосъ изъ обители преподобраго Сергія по случаю Манифеста 6-го августа. Цѣна въ редакціи Троицкихъ листновъ три рубля за 1000 экз. съ пересылкою.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшее повелѣніе. — Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Объявленіе.

Редакторъ Ректоръ семинаріи, Архимандритъ **Анаполій.**

Печатать дозволяется. Одесса, 30 сентября 1905 года.

Цензоръ священникъ **Михаилъ Витвицкій.**

«Славянская» типографія Е. Хрисогелосъ, Полицейская ул., д. Новикова № 8.

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ

ХЕРСОНСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

1905.

№ 19. ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ. 1 Октября.

Какую услугу психологія можетъ оказать пастырю при посѣщеніи имъ больныхъ и умирающихъ? *)

Едва ли нужно доказывать, что психологія, какъ наука, къ жизни и дѣятельности пастыря имѣетъ весьма близкое отношеніе. Что именно, какъ не душа человѣка, жаждущая воды живой, должна быть предметомъ особеннаго вниманія, любви и попеченія для каждаго пастыря словеснаго стада Христова? Уже по самой идеѣ пастырь, какъ душепопечитель, долженъ быть психологомъ, а потому и долженъ изучать психологію. Она для него—жизненная стихія, въ ней онъ долженъ быть полный безконтрольный хозяинъ. Св. Отцы и Учители церкви—были глубокіе психологи и прекрасныя творенія ихъ—исчерпаемая сокровищница познаній о душѣ. Никто лучше ихъ не зналъ природу души человѣка, столь богатую внутреннимъ содержаніемъ. Глубокій анализъ душевной жизни со всѣми ея оттѣнками, со всѣми ея грѣхами и страстями, внутренними стремленіями и запросами сказывается во св. твореніяхъ!

---

*) По поводу весьма цѣннаго съ точки зрѣнія психологической для каждаго пастыря опыта: «Изъ пастырской практики при напутствованіи больныхъ и умирающихъ». См. «Церк. Вѣдом.» 1905 г. № 2. стр. 58.

Имѣя въ виду съ одной стороны внутреннюю тѣсную связь психологіи съ идеей пастырства и съ другой стороны вытекающую изъ этой связи несомнѣнную пользу психологіи для каждаго пастыря, необходимо выяснитъ, какую услугу психологія могла бы оказать пастырю въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ качествѣ духовника, обязанъ вступать въ самыя близкія отношенія къ пасомымъ, являясь не простымъ требоисправителемъ, а истиннымъ отцемъ и врачомъ своихъ духовныхъ чадъ, разумѣемъ тѣ важныя и святыя минуты, когда священникъ съ Чашей Жизни и Безсмертія и словомъ утѣшенія обязанъ находиться у одра больныхъ и умирающихъ. Благо пастырю, если онъ сумѣетъ по совѣсти исполнить свой великій долгъ въ тяжелую минуту жизни пасомаго, но горе ему, если онъ проявитъ свою неспособность въ этомъ дѣлѣ и свое безучастіе къ положенію страдающаго больного!

Ставя вопросъ объ отношеніи психологіи къ дѣлу духовнаго врачеванія, мы имѣемъ въ виду чисто—нравственную пользу психологіи. Пастырь—не медикъ въ строгомъ смыслѣ слова, хотя и онъ можетъ врачевать недуги болящихъ,—не психіатръ, хотя и ему не чужды знанія въ распознаваніи душевныхъ недуговъ,—не гипнотизеръ, хотя и можетъ властно вліять на чужую волю и совѣсть, пастырь остается пастыремъ, а потому и образы отношенія его къ больнымъ и умирающимъ и способы воздѣйствія на нихъ должны имѣть строго-нравственный характеръ и исключать всѣ тѣ способы и приемы, которые несвойственны личности пастыря, недостойны и чужды его сана.

Какую же услугу могла бы оказать психологія въ столь важномъ дѣлѣ посѣщенія и напутствія больныхъ и умирающихъ? Вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ вопроса о томъ, въ чемъ должна заключаться истинная задача и цѣль посѣщенія пастыремъ больныхъ и умирающихъ и каковыми послѣдній располагаетъ средствами для достиженія цѣли.

Съ точки зрѣнія высшей—телеологической—болѣзни въ больши́хъ случаяхъ являются прямымъ слѣдствіемъ грѣха или,

другими словами, грѣхи—причина болѣзней (Марк. 2, 5; Иоан. 5, 14). «Вотъ ты выздоровѣлъ», обратился Иисусъ Христосъ къ исцѣленному, встрѣтивъ его въ храмѣ, «не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобою чего хуже». Если такъ, тѣ, само собою очевидно, самыя болѣзни и недуги, имъ же нѣсть числа, ниспосылаются свыше для вразумленія и исправленія грѣшника, т. е. для его же собственной пользы и блага. Посему въ рукахъ Провидѣнія болѣзни имѣютъ высшую цѣль, нравственно—воспитательную: спасти и помиловать человѣка. Ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ, что пока человѣкъ чувствуетъ себя здоровымъ, наслаждаясь полнотою и крѣпостію силъ и благами жизни, до тѣхъ поръ онъ меньше всего сознаетъ свои душевныя язвы и недуги и менѣе всего чувствуетъ нужду въ пастырскомъ посѣщеніи, но стоитъ тому же человѣку заболѣть и слечь, то онъ тогда скорѣе сознаетъ свои слабости и немощи, свою душевную пустоту и весь ужасъ своего положенія, а потому скорѣе ощущать потребность въ чужой помощи и участіи, и душа его, загрязненная грѣхами, сдѣлается болѣе доступной и открытой для вліянія на нее со стороны духовнаго отца. Не являются ли, такимъ образомъ, физиологическія и органическія страданія и болѣзни основаніемъ или лучше поводомъ для приведенія страждущаго къ спасительному перевороту въ душѣ, къ сознанію имъ своихъ грѣховныхъ страстей и пороковъ, которыхъ онъ раньше, быть можетъ, не сознавалъ и не чувствовалъ? Но съ другой стороны тотъ же опытъ показываетъ, что духовно-нравственныя страданія больного не только не уступаютъ по силѣ тѣлеснымъ, но часто стоятъ неизмѣримо выше ихъ. Голосъ совѣсти—нашъ внутренній неподкупный судія можетъ иногда заговорить въ душѣ съ такою силою, что физическія страданія, какъ они велики не были, почти не ощущаются. Тяжело видѣть страданія больного, когда онъ испытываетъ ко всему полную апатію, когда онъ ни ѣстъ, ни пьетъ, когда онъ на одрѣ болѣзни бредитъ и стонетъ отъ невыносимыхъ болей, не зная покоя ни днемъ ни ночью, но еще болѣе ужасны страданія нравственныя, которыя соединяются

съ тѣлесными, еще болѣе омрачая и безъ того тяжелую и безотрадную картину болѣзни. Всѣ нервы, всѣ силы души болящаго приходятъ въ крайнее напряженіе, ища облегченія или выхода изъ тяжелаго положенія, и въ этомъ хаосѣ мученій бываетъ трудно разобратъся, чѣмъ именно болѣе всего страдаетъ и въ чемъ болѣе всего нуждается больной. Что чувствуетъ, переживаетъ, испытываетъ душа его, угнетаемая и подавляемая страданіями, это всего лучше можетъ понять тотъ, кто самъ болѣлъ и находился въ тяжеломъ состояніи. Но съ точки зрѣнія психологической нравственное состояніе больного вполне естественно. Чѣмъ больше человѣкъ служилъ и угождалъ страстямъ, чѣмъ больше онъ жилъ чисто земными интересами, мало или вовсе не думая о себѣ, о своей душѣ, а, напротивъ, все больше коснѣя во грѣхахъ и глубже погрязая въ омутѣ беззаконій, тѣмъ ужаснѣе и безотраднѣе станетъ его положеніе на одрѣ болѣзни, когда онъ будетъ лишень возможности пользоваться земными благами, испытывая муки танталовы, когда земная жизнь со всѣми ея грѣховными удовольствіями потеряетъ для него всякій смыслъ, тогда какъ, наоборотъ блага высшей, небесной и вѣчной жизни, къ которымъ онъ вовсе не стремился и цѣны ихъ не признавалъ, не будутъ занимать и услаждать его душу, а, напротивъ, сдѣлаются для нея чуждыми и непонятными. Мысль о безцѣльно проведенной и безвозвратно потерянной жизни, сознание внутренней пустоты и одиночества, съ одной стороны, страхъ смерти, суда и воздаянія въ жизни загробной—съ другой,— вотъ тотъ камень тяжелый, который лежитъ на совѣсти грѣшника, то «бремя тяжкое», которое больше всего давитъ и мучитъ душу бѣднаго больного и умирающаго.

Теперь не трудно рѣшить вопросъ о томъ, куда, въ какую сторону пастырь долженъ направлять свой взоръ, свои силы и дарованія, находясь у одра больныхъ и умирающихъ. Если вся суть не въ организмѣ—худшей части человѣка, но въ душѣ—лучшей и превосходнѣйшей, то, естественно, и дѣятельность пастыря должна направляться на душу больного и въ ней

находить свою точку отправленія, а также смысл и значеніе. Цѣль врача-діагноста въ отношеніи больного чисто-терапевтическая: правильно опредѣливъ болѣзнь, найти причину ея и предписать соотвѣтствующее лекарство. Цѣль духовнаго врача—болѣе жизненная и глубокая—*нравственно-телеологическая*: пастырь долженъ заглянуть въ самую душу больного, повліять на волю, затронуть сердце, разбудить совѣсть и поискать, нѣтъ ли тамъ въ душѣ причины болѣзни, и, отыскавъ ее, долженъ дать соотвѣтствующее средство въ Таинствѣ Покаянія и, затѣмъ, вырвавъ грѣхъ съ корнемъ и очистивъ совѣсть, долженъ ободрить и утѣшить больного, поднять упавшій его духъ, вселивъ въ него вѣру и любовь въ Бога и надежду на Его милосердіе,—словомъ, умиротвореніе и успокоеніе совѣсти, внутреннее возрожденіе и обновленіе души больного, исцѣленіе душевныхъ недуговъ—вотъ главная цѣль, какую долженъ имѣть въ виду пастырь, напутствуя больныхъ и умирающихъ. Одно слово любви и утѣшенія, капля слезы искренняго участія могутъ принести больному болѣе существенную пользу, нежели мертвые медикаменты. Такимъ образомъ дѣятельность пастыря въ отношеніи къ больнымъ въ сущности сводится къ той цѣли, какую имѣетъ въ виду Промыслъ Божій, ниспосылая болѣзни, а если такъ, то задача пастыря должна заключаться въ томъ, чтобы споспѣшествовать и содѣйствовать высшей цѣли.

Для достиженія этой цѣли пастырь располагаетъ многими благодатными средствами. Будучи носителемъ сугубой благодати священства, онъ получилъ право не только учить и проповѣдывать, но и «вязать и рѣшить» чужую совѣсть, питать душу Св. Дарами и напутствовать ее въ вѣчную жизнь. Что можетъ быть спасительнѣе и благотворнѣе Св. Таинствъ Покаянія, Елеосвященія и Причащенія для больныхъ и умирающихъ? Какая великая сила и неисчерпаемый источникъ утѣшенія заключаются въ молитвахъ пастыря, какъ для него самаго, такъ, въ особенности для страждующихъ и болѣзнующихъ!

Но, съ другой стороны, для того, чтобы благотворно вліять

на душу больного, успѣшно воздѣйствовать на его слабую волю и мятущуюся совѣсть, словомъ, для того, чтобы умѣло пользоваться благодатными средствами и спасительными врачествами для духовныхъ цѣлей, необходимо еще умѣть пастырю ставить себя въ подобающія, т. е. истинныя и разумныя отношенія ко всѣмъ окружающимъ лицамъ, а тѣмъ болѣе къ больнымъ и умирающимъ, а для этого, въ свою очередь, онъ долженъ напередъ узнать какъ себя самого, такъ и другихъ, т. е. долженъ изучать психологію души человѣческой. Глубокая и простая истина, возвѣщенная Самимъ Пастыремъ начальникомъ словами: «какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними» (Луки 6, 31), въ данномъ случаѣ находить свое полное приложеніе и оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ другими поступать такъ, какъ мы желаемъ, чтобы съ нами поступали, чтобы дѣлать другимъ то, что мы хотимъ, чтобы и намъ дѣлали, т. е. говоря другими словами, чтобы ставить себя не въ произвольныя и случайныя, а истинно правильныя отношенія къ подобнымъ намъ, для сего необходимо хорошенько изслѣдовать, кто такіе—мы, и кто такіе—они, а это все и входитъ въ прямую задачу науки психологіи. Жизнь каждаго индивидуума слишкомъ сложна и разнообразна: чтобы понять ее, нужно самому въ извѣстной мѣрѣ обладать жизненнымъ опытомъ, а чтобы умѣть извлекать изъ него полезное для другихъ, чтобы угадывать чужія желанія и умѣть отвѣчать на чужіе запросы, для этого необходимо изучать какъ свою собственную, такъ и чужую жизнь, какъ свои немощи и нужды, такъ и чужія, а это все немислимо безъ знанія общихъ и основныхъ законовъ душевной жизни, самыхъ простыхъ начальныхъ истинъ психологіи, входящихъ въ область этой науки.

Выяснивъ истинную цѣль посѣщенія пастыремъ больныхъ и умирающихъ и указавъ средства для достиженія этой цѣли, не трудно опредѣлить, гдѣ именно могутъ находиться точки соприкосновенія между двумя сродными областями—психологіей и дѣломъ духовнаго врачеванія. Тагъ какъ главная задача

пастыря должна состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ доставленіи болящему чрезъ покаяніе и сознаніе грѣховности внутренняго мира и успокоенія, и такъ какъ идея врачеванія души заключаетъ въ себѣ понятія о двухъ индивидуумахъ—пастырѣ и больномъ, то, слѣдовательно, и способы воздѣйствія на душу больного должны быть почерпаемы во первыхъ въ немъ самомъ, т. е. личности пастыря (субъектъ), во вторыхъ—въ личности больного (объектъ). Такимъ образомъ, самый вопросъ о томъ, какую услугу или пользу можетъ оказать психологія пастырю при посѣщеніи больныхъ, сводится въ сущности къ вопросу о томъ, какія *нормы* можетъ дать психологія для отношенія пастыря къ больнымъ и умирающимъ. Изъ сказаннаго ясно, что нормы эти по своему генезису могутъ быть двоякими: *субъективными и объективными*.

Личность пастыря—на первомъ планѣ. Какія же нормы она можетъ дать для отношенія пастыря къ больнымъ и умирающимъ? Анализъ психики больного показываетъ, что распатанные нервы его вслѣдствіе упадка силъ и самочувствія крайне страдаютъ, душа же становится крайне раздражительной и воспримчивой ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а потому и особенно чуткой и разборчивой въ отношеніяхъ къ ней со стороны посѣщающихъ и окружающихъ лицъ. Спрашивается, какъ пастырю вести и держать себя въ отношеніи къ больному, чтобы слово его упало на добрую почву, чтобы благодатное вліяніе на душу принесло бы хотя какой нибудь плодъ, чтобы вообще посѣщеніе пастыря не осталось безслѣднымъ? Психологія учитъ, что для успѣшнаго вліянія на чужую волю и совѣсть необходимо напередъ расположить и приблизить человѣка къ себѣ, овладѣть его *доверіемъ* и любовью. Едва ли кто станетъ говорить что либо противъ столь очевидной истины. Но вопросъ въ томъ, можно ли достигнуть благихъ результатовъ, не зная психологіи, не зная ни себя, что такое—мы сами, ни другихъ, что такое они—наши ближніе, съ которыми мы вступаемъ въ такія или иныя личныя отношенія. Не привыкши заглядывать въ свою

собственную душу, въ свой собственный субъективный опытъ, не привыкли отдавать себѣ строгаго отчета въ своемъ образѣ дѣйствій, мыслей, желаній и чувствованій, можемъ ли мы понять чужую жизнь, чужія желанія и думы, можемъ ли быть безпристрастными судьями въ чужихъ душевныхъ состояніяхъ, хотя бы эти состоянія выражались во вѣ? Нужно ли говорить о томъ, сколько въ людскихъ отношеніяхъ бываетъ лжи, сколько создается печальныхъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній именно на этой почвѣ взаимнаго незнанія и непониманія другъ друга! Между тѣмъ какъ легко можно бы избѣжать всего этого, если руководствоваться мудрымъ и простымъ правиломъ: «познай самого себя»! Это—своего рода спасительный глапанъ, предохраняющій насъ отъ многихъ ошибокъ, это—тотъ базисъ, на которомъ основана психологія, а съ нею и пастырская педагогика,—тотъ руководящій принципъ, который долженъ лежать въ основѣ нашей жизни и дѣятельности. Въ этомъ то мудромъ житейскомъ правилѣ, т. е. въ собственномъ самопознаніи и можетъ пастырь почерпнуть тѣ твердыя жизненныя нормы, которыя помогутъ ему разобраться въ чрезвычайно сложной сѣти людскихъ отношеній и научать его, какъ онъ долженъ относиться къ больнымъ и умирающимъ. Въ чемъ же состоятъ эти нормы? Познавая самого себя, свои недуги и слабости, пастырю не трудно будетъ безошибочно угадать, какъ бы на себѣ самомъ почувствовать, чѣмъ наиболѣе страдаютъ и въ чемъ особенно нуждаются его больные, узнавъ же ихъ истинныя нужды, онъ всегда сумѣетъ откликнуться на нихъ и своевременно прийти на помощь, т. е. говоря иначе, сумѣетъ сблизиться съ больными и выразить свою любовь. Не на этой ли почвѣ создается и держится та нравственная связь, которая должна быть между пастыремъ и пасомыми, та взаимная любовь и довѣріе, о которыхъ было сказано выше и которыя служатъ залогомъ всякаго успѣха? Пока пастырь не заручится довѣріемъ больного, пока онъ не убѣдится, что послѣдній находится всецѣло въ его рукахъ, до тѣхъ поръ трудно начинать святое

дѣло врачеванія, но разъ цѣль достигнута и нравственная преграда между ними, т. е. пастыремъ и больнымъ будетъ разрушена, то тогда уже почти половина дѣла сдѣлана и дальше пастырю остается то дѣлать, что подсказуютъ ему собственная любовь, голосъ совѣсти и страхъ Божій, а также и собственный жизненный опытъ. Развѣ не случается, что пастырь, одушевленный самымъ искреннимъ желаніемъ помочь больному, въ концѣ концовъ, однако, долженъ прійти къ разочарованію, горько сознавая въ душѣ, что посѣщеніе не идетъ дальше пустой формы и обряда и не приводитъ къ желанной цѣли? Развѣ не бываетъ, что и больной и пастырь, оставаясь наединѣ, съ глазу на глазъ чувствуютъ себя крайне неловко, другъ друга тяготясь и стѣсняясь, сознавая, что между ними нѣтъ ничего общаго, что между ними лежитъ кабая то непроходимая бездна? развѣ не бываетъ, что и темы для разговора они не могутъ найти, да и самая бесѣда какъ то не клеится, хотя и больной и пастырь не чужды желанія—первый преподавать добрый совѣтъ и наставленіе, а второй—выслушать и принять въ сердце? Кому изъ пастырей не приходится испытывать въ душѣ этого мучительнаго раздвоенія? Не оттого ли оно происходитъ, что между больными и ихъ духовными отцами нѣтъ нравственной связи, нѣтъ объединяющаго начала? А это все прежде всего нужно искать въ самомъ себѣ и только на почвѣ самопознанія пастырь можетъ открыть истинный путь къ тому единенію, которое служитъ основаніемъ для любви и довѣрія, какъ залога всякаго успѣха, и которое (единеніе) особенно нужно для пастыря въ ту святую минуту, когда онъ, находясь у ложа умирающаго, напутствуетъ послѣдняго въ загробную жизнь. Въ этомъ то и состоитъ важное значеніе самопознанія, какъ субъективной нормы для отношенія священника—въ качествѣ духовнаго отца—къ больнымъ и умирающимъ.

Нельзя не признать, что умѣніе снискать къ себѣ довѣріе, умѣніе вліять на чужой характеръ и волю весьма нужно для пастыря, но нельзя не признать и того, что это умѣніе есть

норма психологическая общаго свойства: она относится какъ къ больнымъ, такъ и здоровымъ—пастырь долженъ снискать къ себѣ всеобщее довѣріе и любовь въ своемъ приходѣ. Психологія должна дать и дать болѣе жизненныя, непосредственныя, спеціально субъективныя нормы для отношенія его къ больнымъ и умирающимъ. Она, дѣйствительно, указываетъ ему, какія качества и свойства должны украшать личность пастыря и какія не должны быть въ ней терпимы при посѣщеніи больныхъ, какъ онъ долженъ и какъ не долженъ относиться къ послѣднимъ. Конечно, идея духовнаго врачеванія должна обнимать по существу дѣла всего индивидуума (выражаясь языкомъ психологіи)—его умъ, сердце и волю, но имѣя въ виду религіозно-нравственную цѣль духовнаго врачеванія, пастырь, посѣщая и напутствуя больныхъ, долженъ дѣйствовать и вліять прежде всего на *совѣсть*. Вѣдь въ этомъ и заключается главная задача и цѣль пастыря и съ нею онъ долженъ сообразовать свою дѣятельность. Но какъ дѣйствовать на совѣсть? Слабый и безпомощный, лежа на смертномъ одрѣ больной, если въ немъ не погасла и имѣется хотя капля вѣры, естественно долженъ искать себѣ помощи и утѣшенія свыше. Но гдѣ искать? явится ли эта высшая помощь къ грѣшнику безъ покаянія и сознанія имъ грѣховности? Не пастырь ли прежде всего долженъ поспѣшить къ нему на помощь, какъ духовный отецъ? Не онъ ли долженъ постараться возбудить въ болящемъ покаянныя чувства и слезы? Но какъ возбудить, если въ самомъ пастырѣ не будетъ этихъ чувствъ? Очевидно, ему нужно прежде всего надъ собою поработать, *въ себѣ самомъ* возжечь эти святыя чувства, а это невозможно безъ личнаго самоиспытанія и самопознанія. Какимъ же именно образомъ самопознаніе можетъ привести къ покаянію и другимъ чувствамъ, не трудно понять. Самопознаніе показываетъ намъ, кто—мы сами и чѣмъ мы должны быть, что у насъ есть и чего нѣтъ, что мы дѣлаемъ и къ чему стремимся и что мы должны дѣлать и къ чему должны стремиться, чтобы достигать своего безсмертнаго назначенія. Вотъ это посто-

явное вниманіе къ себѣ, къ различнымъ стремленіямъ, мыслямъ и наклонностямъ души, эта повѣрка или сличеніе своего наличнаго содержанія съ высшими идеалами и можетъ привести человѣка къ благодѣтельнымъ для него самому послѣдствіямъ. Строго себя испытывая, онъ невольно сознаетъ, насколько онъ самъ убогъ и бѣденъ собственнымъ содержаніемъ и какъ онъ безконечно далекъ отъ святыхъ идеаловъ, кои должны составлять цѣль его жизни. Сознаніе же своей нравственной нищеты и убожества развѣ не одно и то же съ сознаніемъ тѣхъ немощей и слабостей, тѣхъ недостатковъ и прегрѣшеній, которыхъ раньше грѣшникъ, быть можетъ, не видѣлъ въ себѣ и которыми, однако, полна душа его? *Смиреніе* же и кротость и связанныя съ ними терпѣніе и самообладаніе—что это, какъ не плоды сознанія грѣховности? Смиреніе — глубочайшій принципъ христіанской нравственности, безъ котораго всѣ другія добродѣтели въ очахъ Божіихъ теряютъ свою цѣну. Если гордость есть плодъ духовной слѣпоты и незнанія себя, то смиреніе, наоборотъ, есть наилучшій плодъ самопознанія, спомоществуемаго Божественной благодатью (Іаков. 4, 6). Если эта добродѣтель должна украшать cadaго христіанина, то тѣмъ паче пастыря церкви, который долженъ быть примѣромъ для другихъ.

Не трудно теперь уразумѣть, какое отношеніе имѣютъ эти свойства и плоды самопознанія къ дѣлу напутствія и духовнаго врачеванія. Спрашивается, кому, какъ не больнымъ и умирающимъ, особенно нужна и полезна эта добродѣтель смиренія? Кто же способенъ скорѣе всего влить въ страждущую душу больного чувство смиренія, какъ не тотъ духовный отецъ, который самъ проникнуть и дышетъ этимъ чувствомъ? Что больше всего можетъ утѣшить самого пастыря, какъ не быть самому свидѣтелемъ, что больной начинаетъ самъ сознавать свои грѣхи, самъ скорбять и сокрушается въ нихъ? Какъ ни горько для самолюбія сознаваться, смиряться и каяться во грѣхахъ, все таки лежащему на одрѣ болѣзни легче это сдѣлать, когда и другой искренно вмѣстѣ съ нимъ бается и смиряется.

Личный примѣръ пастыря въ данномъ случаѣ играетъ весьма важную роль и лучше всякихъ доводовъ и убѣжденій самъ по себѣ можетъ заразительно дѣйствовать на душу больного. Можетъ ли, съ другой стороны, нѣчто подобное вызвать въ его душѣ надменный и лицемѣрный пастырь? Если гордость сама по себѣ отталкиваетъ, то смиреніе привлекаетъ, если первое разобщаетъ, то второе сближаетъ и объединяетъ души. Даже если пастырь наброситъ на себя лишь маску смиренія, стараясь казаться инымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, все таки инстинктивное внутреннее чувство больного, душа котораго дѣлается ко всему весьма чуткой, никогда его не обманетъ: онъ сразу безошибочно отгадаетъ, насколько вся внѣшность его духовнаго отца находится въ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ настроеніемъ, и сообразно съ составленнымъ мнѣніемъ о личности своего духовнаго врача опредѣлитъ и образъ своихъ личныхъ къ нему отношеній. Таково то значеніе самопознанія для пастыря, какъ психологической нормы. Но эта норма имѣетъ еще другую сторону, весьма важную для пастыря. Какъ ни глубоко и чистосердечно больной будетъ раскаиваться въ своихъ грѣхахъ, ему все таки нужна такая сила, которая бы примиряла его съ тяжкими страданіями и подкрѣпляла въ терпѣливомъ перенесеніи недуговъ. Таковую то силу рождаетъ въ насъ то же смиреніе какъ плодъ самопознанія. Какая же это сила? Кто постоянно работаетъ надъ собою, искушая свою совѣсть и взвѣсивая свои силы и дарованія, не можетъ не прійти вмѣстѣ съ сознаніемъ своего убожества и ничтожества къ сознанию безконечнаго величія, благодати и премудрости Творца и Зиждителя, вложившаго въ природу человѣка и начертавшаго въ немъ Свой образъ и подобіе. Это сознаніе на ряду съ чувствомъ смиренія не можетъ не возбудить въ душѣ человѣка, а особенно въ пастырѣ, чувство живой любви, преданности и покорности волѣ Божіей, т. е. такія чувства, на которыхъ зиждется святая *вѣра*. Живая вѣра въ Бога—вотъ та великая нравственная сила, которая одна и можетъ утѣшить и успокоить христіанина,

примирить его не только со страданіями и болѣзнями, но и со всѣми ужасами несчастій и бѣдствій, которыя неизбежны въ этомъ мірѣ. А какъ нужна вѣра больнымъ и умирающимъ, которые желаютъ ее видѣть прежде всего въ своемъ духовникѣ! Что именно, какъ не вѣра даетъ имъ не только мужество въ перенесеніи скорбей и болѣзней, но и прогоняетъ страхъ смерти, перемѣняя унылое настроеніе духа на веселое и радостное? Сколько бы пастырь не разглагольствовалъ съ больными, убѣждая ихъ быть спокойными и не бояться смерти, слова его будутъ дѣйствовать только на умъ, не доходя до сердца, а для того, чтобы они могли идти прямо къ сердцу, реагируя на угнетенное и подавленное настроеніе больныхъ,—необходимо, чтобы рѣчь пастыря дышала глубокой вѣрой, т. е. была отголоскомъ его внутренняго настроенія. Въ этомъ и состоитъ неотразимое вліяніе души на душу, какъ глубокая психологическая тайна, вполне объяснимая на почвѣ *личнаго самопознанія*. Таковы то субъективные нормы, которыя пастырю можетъ дать психологія, какъ рациональная, такъ и практическая, для отношенія къ больнымъ и умирающимъ.

Какъ ни важна сама по себѣ главная цѣль посѣщенія пастыремъ больныхъ и умирающихъ, все таки было бы ошибкой со стороны пастыря эту цѣль ограничивать исключительно церковно-религіозной стороною дѣла. Находясь у одра болѣзни, онъ долженъ дѣйствовать не только какъ духовный врачъ и носитель благодати, но и какъ обыкновенный человѣкъ, слѣдовательно и ему должны быть не чужды тѣ чувства *соболъзнованія и состраданія*, которыя присущи всѣмъ людямъ. А кто болѣе всего нуждается въ чужомъ сочувствіи, какъ не больные и умирающіе? Если ко всякому горю вообще нужно имѣть сочувствіе, то тѣмъ болѣе къ болѣзнямъ и недугамъ, отъ какихъ бы причинъ они не происходили и въ какихъ бы формахъ не выражались; если болящіе ждуть сочувствія отъ каждаго, то тѣмъ болѣе отъ своего духовнаго отца. Но какъ пастырю отнестись къ больному съ сочувствіемъ, если онъ его не имѣетъ? какъ

выразить свое искреннее состраданіе, если онъ чувствуетъ въ душѣ своей какой то холодъ, нелюбовь и нерасположеніе и даже отвращеніе? Какъ подавить въ себѣ эти чувства и заставить себя отнестись къ страждущему съ полнымъ участіемъ и любовію? Вотъ вопросы, которые перѣдко смущаютъ пастыря, когда онъ собирается идти напутствовать умирающихъ. Очевидно, ему и въ данномъ случаѣ нужно много работать надъ собою и, прежде чѣмъ причину своего постыднаго равнодушія относить къ больному, нужно безпристрастно спросить, не таится ли эта причина въ немъ самомъ, т. е. въ личности пастыря, а это все и доказываетъ, насколько нужна для него психологія, которая и учитъ, что причиною непріязненныхъ и недоброжелательныхъ отношеній между людьми часто служитъ ихъ взаимное непониманіе. Спрашивается, какимъ образомъ эта наука можетъ заставить пастыря перемѣнить свой взглядъ на больного и свои сухія къ нему отношенія на болѣе теплыя и сердечныя. Возможность эта коренится въ чувствѣ смиренія. Сознывая и каюсь въ своихъ грѣхахъ, пастырь получаетъ внутреннюю—субстанціальную возможность видѣть и понимать не только свои собственные, но и чужія добрыя и худыя стороны, но не для того, чтобы осуждать и порицать чужія слабости, а для того, чтобы быть строгимъ къ себѣ самому и снисходительнымъ къ другимъ. Получается такой силлогизмъ: «такъ какъ моя душа сама по себѣ слаба, имѣя наклонности ко грѣху, то и всѣ люди вслѣдствіе происхожденія отъ одного начала, имѣютъ ту же слабость и ту же наклонность ко грѣху, а потому, когда я замѣчаю погрѣшность въ комъ либо, не долженъ осуждать ихъ». Что можетъ дать болѣе правильное понятіе и отношеніе къ ближнему, если добавить, что такъ какъ всѣ люди произошли отъ одного начала, то они—братья, а, слѣдовательно, и должны любить другъ друга, какъ братья? Такимъ образомъ, чувство смиренія, вытекающее изъ самопознанія, ведетъ cadaго къ чувству *снисходительности*, а это чувство уже граничитъ съ любовію и всепрощеніемъ, т. е. такими свойствами, которыя должны украшать

личность пастыря и которыя радуютъ и превлекаютъ къ себѣ всѣхъ, а тѣмъ болѣе страждущихъ и болѣзнующихъ. Кому какъ не имъ свойственно искать въ пастырѣ не только сочувствія, но даже простаго знака вниманія къ ихъ горькой участи? Не на этой ли почвѣ создается и растетъ та сила единенія, о которомъ была уже рѣчь? Чувствуя къ себѣ искреннюю любовь своего пастыря, болящій не замедлитъ отвѣтить ему тою же любовію, а эта взаимная нравственная связь и поможетъ больному открыть свою душу, свои раны и язвы, а пастырю—сблизиться съ нимъ, войти въ его положеніе, узнать его истинныя нужды, и сообразно съ симъ найти и соответствующее врачевство, чтобы исцѣлить недуги, и такимъ образомъ спокойно и по совѣсти исполнить свой наиважнѣйшій долгъ любви къ ближнему.

Говоря о состраданіи и любви, мы говорили о психологической возможности возникновенія этихъ чувствъ на почвѣ самопознанія и вытекающаго изъ него чувства смиренія. Но иное дѣло—любить въ душѣ, совсѣмъ иное—выражать свою любовь *въ жизни*, на дѣлѣ. Законъ совѣсти внушаетъ намъ имѣть любовь ко всѣмъ безъ исключенія. Но какъ соблюсти сію заповѣдь? какъ разобраться въ чрезвычайно сложной и темной сѣти человѣческихъ взаимоотношеній? гдѣ найти для себя твердые, руководящія принципы въ этой области? Развѣ не случается, что при всемъ желаніи сохранить любовь къ ближнему, мы часто ее нарушаемъ, впадая иногда въ непростительныя ошибки и промахи? развѣ не случается, что при самомъ искреннемъ желаніи хотя чѣмъ либо быть полезными другому, мы, однако, не можемъ быть таковыми, и, нерѣдко, вмѣсто пользы приносимъ вредъ? развѣ не бываетъ, что часто противъ своей воли мы огорчаемъ ближняго, чрезъ что и онъ нравственно страдаетъ и мы сами—не меньше его? Вѣдь даже одно неосторожно сказанное слово можетъ задѣть за живое, уколоть въ самое больное мѣсто и, чрезъ то самое, на вѣки разстроить добрыя наши отношенія! Какъ часто случается, что тотъ, кто имѣетъ

право больше всего рассчитывать на нашу къ нему любовь, тотъ больше всего и досаждаетъ на нашу неблагодарность и невниманіе! Тотъ, кого мы наибольше всего любимъ, того, нерѣдко, помимо желанія мы огорчаемъ, если не дѣломъ, то словомъ! Гдѣ причина сего? кто здѣсь виноватъ? Если здоровые такъ чувствительны къ отношеніямъ окружающихъ, то что сказать о больныхъ и немощныхъ? Какъ они страдаютъ отъ неумѣлаго обхожденія съ ними! Сколько нужно осторожности, такта и благоразумія со стороны духовнаго врача, чтобы какъ нибудь и чѣмъ нибудь не огорчить болящаго! Но гдѣ все это взять ему, если онъ не будетъ испытывать самого себя, отдавать всегда себѣ строгій отчетъ, почему именно онъ такъ относится къ личности болящаго, а не иначе, и такъ ли нужно относиться, какъ онъ думаетъ. Можетъ ли онъ здѣсь обойтись безъ помощи психологіи, которая одна способна раскрыть ему глаза и руководить имъ въ запутанной сѣти людскихъ отношеній? Указывая на причины нашихъ неправильныхъ отношеній къ людямъ, психологія вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ дать твердыя субъективныя нормы, какъ мы должны относиться и какъ не должны ко всѣмъ, а слѣдовательно и къ недугующимъ, какія мы должны возбуждать въ себѣ чувства и какія подавлять, находясь у одра больныхъ и умирающихъ. Въ этомъ и заключается ея громадная услуга для пастыря, какъ служителя церкви вообще, такъ и духовнаго врача—въ особенности. Съ психологической точки зрѣнія причиной нашихъ неправильныхъ отношеній къ ближнимъ являются наши неправильныя представленія о нихъ и понятія: *какъ мы судимъ* о чужой личности, *такъ и относимся*, но, вѣдь, мы можемъ судить неправильно—ошибочно, а, слѣдовательно, и относиться къ ней неправильно. Гдѣ же искать причины нашихъ неправильныхъ сужденій о предметѣ? Таковой причиной по ученію психологіи можетъ служить не что иное, какъ *субъективная примѣсь* въ челоуѣкѣ, которая, окрашивая вещи въ свой цвѣтъ, затемняетъ истину: мы видимъ вещи не такими, какими они должны быть на самомъ дѣлѣ, а какими

онѣ намъ кажутся сквозь призму личнаго субъективизма. Различныя страсти, предрассудки, мнѣнія общества, предубѣжденія, духъ времени, интересы—личные и партійные, настроенія, тенденціи, склонности и привычки, и проч.—вотъ та примѣсь, которой мы иногда не сознаемъ въ себѣ и которая вводитъ насъ въ заблужденія, если мы не привыкли отдавать себѣ отчета и отрѣшаться отъ этой примѣси. Отрѣшаться же можно не иначе, какъ на основаніи личнаго самопознанія. Какъ все это нужно имѣть въ виду каждому пастырю при посѣщеніяхъ ими больныхъ и умирающихъ! Для успѣшности своего вліянія на нихъ онъ долженъ несомнѣнно ко всѣмъ быть одинаковымъ. Но какъ соблюсти это важное условіе, если онъ безотчетно будетъ питать къ однѣмъ—почему либо пріятнымъ ему личностямъ—чувства симпатіи, а къ другимъ равнодушіе и даже нерасположеніе? Сознаніе больного, что духовный отецъ относится къ нему хуже, а къ другому—лучше, не подѣйствуетъ ли дурно на его душевное настроеніе? Какъ соблюсти равенство къ больнымъ, если духовный врачъ не дастъ себѣ отчета, почему къ одному больному онъ питаетъ пристрастіе, а къ другому—холодность? какаѣя причина это? справедлива ли она и соразмѣрна ли съ ея дѣйствіемъ?

Только психологія и можетъ раскрыть глаза его на тѣ ошибки, которыхъ онъ не признавалъ въ себѣ, и такимъ образомъ можетъ заставить его измѣнить свой образъ отношеній къ болящимъ, которые нуждаются въ его услугѣ. Чтò почувствуетъ больной, если пастырь, котораго онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, явится къ нему въ домъ унылымъ и мрачнымъ, или потому, что его не во время пригласили, заставивъ пожертвовать нѣкоторыми удобствами (напр. покоемъ или сномъ) или потому, что онъ до прихода къ больному получилъ какую либо обиду или неприятность? Какъ легко свою досаду или озлобленіе перенести на болящаго! Но причѣмъ онъ здѣсь? чѣмъ онъ виноватъ? задаемъ ли мы такіе вопросы? Если это и для здоровыхъ не особенно пріятно, то что сказать о больныхъ, воспримчивость

которыхъ ко всему—хорошему и дурному—крайне повышена! Но съ другой стороны, какъ трудно пастырю подавить въ себѣ угнетенное настроеніе и отнестись къ болящему съ любовію и ласкою, если онъ (пастырь) не заставитъ себя убѣдить, что досада его на больного совершенно напрасна, такъ какъ является плодомъ его личнаго субъективнаго настроенія, не имѣющаго для себя никакихъ достаточныхъ основаній въ личности больного. Сколько пужно самообладанія и спокойствія со стороны священника, чтобы неосторожнымъ поступкомъ не уронить своего авторитета и не лишиться чужого довѣрія, въ которомъ онъ такъ нуждается! Какъ трудно ему отнестись сердечно къ тому больному, о которомъ сложилась худая репутація, если самъ пастырь будетъ на все смотрѣть не своими, а чужими глазами! Сколько, вѣдь, есть жи въ общественныхъ мнѣніяхъ и сколько нужно знанія, чтобы отнестись къ нимъ критически и стать выше жи! Кромѣ субъективной примѣси причину неправильныхъ отношеній къ ближнимъ могутъ служить еще *недостатки темперамента*, на которые пастырь также долженъ обращать вниманіе, стараясь воздѣйствовать на нихъ, сглаживая и видоизмѣняя подъ вліяніемъ свободной воли. Каждый темпераментъ съ точки зрѣнія психологіи имѣетъ свои достоинства и недостатки—свѣтлыя и темныя стороны. Если каждому человѣку, то тѣмъ болѣе пастырю нужно знать и изучать индивидуальныя черты и особенности своего темперамента и усилиями воли сглаживать его недостатки. Проявленіе сихъ недостатковъ было бы крайне нежелательно и весьма вредно при посѣщеніи лежащихъ на одрахъ болѣзни. Какъ легко пастырю съ холерическимъ темпераментомъ, на примѣръ, раздражиться какимъ либо неосторожнымъ поступкомъ или словомъ со стороны больного, и какъ легко это раздраженіе можетъ перейти въ гнѣвъ и досаду, могущіе еще больше увеличить страданія больного, если только пастырь не обратитъ вниманіе на самого себя, на недостатки своего темперамента! Можетъ ли пастырь флегматикъ, если не видоизмѣнить недостатокъ темперамента, отнестись съ

искреннимъ участіемъ, съ полною готовностью помочь тому, кто наиболѣе всего нуждается въ этомъ, кто въ лицѣ окружающаго его болѣзненный одръ старается уловить каждое слово, взглядъ, движеніе мускула! Какъ, наконецъ, въ минуты предсмертной агоніи, когда несчастный борется между жизнью и смертью, когда около ложа его слышатся едва сдерживаемыя стоны и рыданія присныхъ и близкихъ, — трудно бываетъ духовному отцу съ сангвиническимъ темпераментомъ сохранить въ себѣ твердость и спокойствіе духа, и какъ, напротивъ, легко самому разстроиться и даже растеряться, если онъ не будетъ напередъ знать, что подобное настроеніе его можетъ быть слѣдствіемъ крайней подвижности, живости и впечатлительности его собственного темперамента! Все это доказываетъ, насколько важно каждому духовнику умѣть владѣть собою, не теряя присутствія духа, въ особенности когда онъ находится у одра болѣзни или смерти. Если самообладаніе весьма полезно для успѣха въ дѣлѣ врачеванія, то, наоборотъ, потеря его можетъ повести къ неблаговиднымъ и предосудительнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи къ больнымъ и, вмѣсто облегченія и утѣшенія, еще болѣе увеличить ихъ страданія и безпокойство. Ясно отсюда, какую важную роль играетъ въ данномъ случаѣ психологія: чтобы выработать въ себѣ силу воли, которая бы сдерживала насъ самихъ, управляя ходомъ душевной жизни, для этого необходимо долго и упорно работать надъ самими — т. е. упражняться въ самоиспытаніи, а для этого, въ свою очередь, нужно изучать себя, свой характеръ и привычки, нужно быть психологомъ.

Таковы то тѣ психологическія нормы, которыя могутъ быть почерпнуты въ личности пастыря для отношенія къ больнымъ и умирающимъ. Но для полноты дѣла, какъ было сказано, пастырю недостаточно знать себя только, свой субъективный опытъ; ему нужно знать еще душевную жизнь больныхъ, хотя одно самопознаніе и можетъ служить хорошимъ и вѣрнымъ средствомъ. Изучать же чужую психику мы можемъ и на основаніи науки психологіи и на основаніи собственного опыта. Это изуче-

ніе для пастыря было бы не бесполезно для достиженія болѣе цѣльныхъ результатовъ дѣятельности. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вліять на больного, не зная, кто онъ самъ, чѣмъ страдаетъ и въ чемъ нуждается. У одра болѣзни—не одна личность пастыря (субъектъ), но есть и другая, которая служитъ для первой предметомъ отношеній (объектъ). Вотъ почему и психологія можетъ и должна дать пастырю громъ субъективныхъ и объективныхъ нормъ для ухода за больными.

Духовная организація болящаго очень сложна и богата. Какъ нѣтъ ни одного здороваго, который былъ бы совершенно похожимъ на другого, такъ равно нѣтъ ни одного больного, душевная жизнь котораго была бы похожа на душевную жизнь другого, какъ капля на каплю воды: сходство здѣсь можетъ быть лишь относительное. Чѣмъ чаще пастырю приходится посѣщать больныхъ и умирающихъ, тѣмъ больше онъ убѣждается въ необходимости разнообразить способы воздѣйствія на нихъ и изощрять свою духовную опытность въ уходѣ за ними. Но какъ ему разобраться и ориентироваться въ массѣ особенностей и оттѣнковъ ихъ душевнаго состоянія? Гдѣ найти ему такія руководящія нормы, которыя послужили бы исходными точками для отправления его дѣятельности? Несомнѣнно, что большую услугу въ давномъ случаѣ ему можетъ оказать психологія. Безъ ея помощи ему пришлось бы идти ощупью, руководствоваться въ дѣлѣ душепопеченія о больныхъ не твердыми, ясно обоснованными началами, а лишь случайными и поверхностными особенностями въ психикѣ больного. Съ точки зрѣнія психологіи люди, слѣдовательно, и больные могутъ быть различаемы по ихъ темпераменту, полу, возрасту, религіозно-нравственному состоянію, образу жизни и роду занятій. Эта классификація душевныхъ состояній, зависящихъ отъ связи души съ тѣломъ, и можетъ пролить свѣтъ въ сферу отношеній пастыря къ больнымъ и указать цѣлесообразныя правила дѣйствованія. Она убѣдитъ пастыря, что необходимо разнообразить свои отношенія къ больнымъ: иначе онъ долженъ относиться къ дѣтямъ, иначе—къ

юношамъ, иначе—къ мужчинамъ, иначе—къ женщинамъ и т. д., сообразуясь съ ихъ психологическими особенностями. Какъ ни трудна сама по себѣ эта обязанность духовнаго врача сообразовать свою дѣятельность съ психическими особенностями больныхъ, но онъ не долженъ смущаться: сильныя благодатныя средства, имѣющіяся въ рукахъ его, въ связи съ теплой молитвой много помогутъ ему въ столь важномъ и святомъ дѣлѣ, какъ врачеваніе души.

— Какъ ни разнообразна сама по себѣ душевная жизнь больныхъ и умирающихъ, все таки, постоянно изучая её, пастырь всегда будетъ имѣть возможность на основаніи психологіи почти безошибочно опредѣлить, къ какому классу или разряду психическихъ особенностей отнести тѣхъ или другихъ больныхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло, хотя строгія ограниченія не всегда бываютъ. Что же касается того, какъ воздѣйствовать на больныхъ, то собственныя опытность и благоразуміе, осторожность и разсудительность съ достаточной ясностью подскажутъ пастырю, какъ онъ долженъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразуясь съ специфическими особенностями больного. Главная суть дѣла—религіозно-нравственное состояніе души. Имѣя это въ виду, необходимо выяснить на основаніи психологическихъ данныхъ, какія нормы личность больного могла бы дать пастырю съ точки зрѣнія нравственно-психологической для того, чтобы вліять на его совѣсть (т. е. больного). Насколько велико различіе между больными по степени ихъ образованія, роду занятій, темпераментамъ и проч., настолько велико различіе между ними и по состоянію ихъ сердца т. е. *въ религіозно-нравственномъ отношеніи*. Какъ же нужно относиться къ послѣднимъ? Имѣя въ виду главную цѣль пастырскихъ посѣщеній болящихъ, т. е. ихъ обновленіе и спасеніе для вѣчной жизни, было бы вполне достаточнымъ вторую часть настоящей статьи ограничить и заключить уясненіемъ вопроса объ отношеніи пастыря къ тѣмъ недугующимъ, о душѣ которыхъ онъ долженъ наиболѣе всего скорбѣть, а слѣдовательно, и забо-

тяться, и посѣщеніе которыхъ для него должно составлять наибольшую трудность и пытку. Это — болящіе недугомъ невѣрія — нераскаянные грѣшники.

Хотя на землѣ нѣтъ ни одного полнаго атеиста и хотя самый «атеизмъ на смертномъ одрѣ — дѣло невозможное», однако вліяніе на невѣрующихъ не такъ то легко, какъ можетъ казаться. Только вседѣйствующая благодать Христова въ связи съ внутреннимъ опытомъ духовнаго врача могутъ оказать помощь въ этомъ дѣлѣ. Для благотворнаго воздѣйствія на невѣрующаго — лежащаго на одрѣ болѣзни нужно знать истинный источникъ и причину самого невѣрія. Такимъ то источникомъ служить вовсе не умъ, который все таки отрѣшится отъ идеи о Богѣ никакъ не можетъ, а грѣховная настроенность сердца и испорченность воли. Вѣра не есть плодъ рефлексіи (мышленія), имѣющаго дѣло съ переработкою понятій отвлеченныхъ, а имѣеть для себя основанія во внутренней — нравственной природѣ человѣка. Посему вѣра находится въ прямомъ отношеніи къ состоянію нравственности: чѣмъ выше развитъ человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ тверже и глубже его вѣра, и наоборотъ. Ясно теперь, какой отсюда выводъ. Чтò было бы, если бы пастырь, посѣщая больныхъ невѣрующихъ, для возбужденія въ нихъ вѣры пустился бы въ сложныя умствованія по вопросамъ религіи, доказывая исторически или философски ложность другихъ религіи и все превосходство православной вѣры? Не сдѣлалъ бы онъ ошибки? Не было бы это — пустой тратой времени? Да и позволила бы ему разсуждать объ этомъ и краткость времени, нужнаго для посѣщенія болящаго? Одни разсужденія, какъ бы они ни были основательны, не сдѣлаютъ больного изъ невѣрующаго — вѣрующимъ. Даже если больной теоретически убѣдится въ истинности вѣры, все таки его воля и сердце останутся сухими и черствыми, лишенными содержанія. Не слѣдуетъ ли отсюда, что пастырю сначала нужно вліять на сердце, или, другими словами, можно вліять и на умъ невѣрующаго, но только чрезъ посредство сердца и воли, а для этого тому же пастырю нужно

самому прежде всего быть вѣрующимъ. Чтобы признать истину, нужно возлюбить её сердцемъ, а для того, чтобы полюбить её, нужно возлюбить добродѣтель, неотдѣлимую отъ истины. Въ давномъ случаѣ и вообще личный примѣръ пастыря имѣетъ самое существенное значеніе. Только нравственно-развитой и глубоко-вѣрующій пастырь и можетъ при содѣйствіи благодати, «немогущая врачующей», пробудить совѣсть грѣшника, зажечь въ немъ искру вѣры и произвести, такимъ образомъ, спасительную перемѣну въ его душевномъ настроеніи.

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія свойствъ духовнаго врачеванія видно, что для правильнаго отношенія и успѣшнаго вліянія на больныхъ и умирающихъ, пастырь, какъ духовный врачъ и душепечитель въ приходѣ, обязательно долженъ хорошо знать какъ себя самого, такъ и другихъ, долженъ постоянно изучать какъ свой субъективный опытъ, такъ и чужую душевную жизнь, а это немислимо или по крайней мѣрѣ весьма трудно безъ изученія и знанія психологіи, какъ науки. Собственная личность пастыря покажетъ ему, какія качества должны украшать его душу и какія не должны быть въ ней терпимы, личность больного и умирающаго уважаетъ ему, какъ онъ долженъ и какъ не долженъ къ ней относиться. Эти то руководящія нормы и можетъ дать намъ одна психологія, какъ наука, благодаря которой способы духовнаго врачеванія получаютъ глубокой смыслъ, а образъ дѣйствованій—твердую почву. Въ этомъ и заключается громадная услуга и польза психологіи для каждаго пастыря, какъ душепечителя вообще, такъ и въ особенности—духовнаго отца и врача.

Протоіерей М. Поповъ.

О миссіонерскихъ противосектантскихъ кружкахъ (по поводу одного письма).

Миссіонерскіе кружки въ послѣднее время стали основываться не только миссіонерами, но и приходскими пастырями. Это вниманіе къ кружкамъ работниковъ миссіонерской нивы

объясняется, конечно, высокой цѣлью дѣятельности членовъ новосозидаемыхъ обществъ. Предполагается, что члены кружка или «братчины», какъ ихъ иногда называютъ, изучивъ тексты Слова Божія, обличающіе лжеученіе сектантовъ, окажутъ не малую помощь миссіонерамъ и пастырямъ въ ихъ борьбѣ съ вѣроотступниками. Такою цѣлью дѣятельности противосектантскихъ кружковъ намѣчается и составъ ихъ.

Въ приходской семьѣ изъ среды православныхъ всегда могутъ быть выбраны лица, готовые прійти на помощь своему пастырю. Глубоко преданные православной Церкви, ведущіе трезвенную, трудолюбивую жизнь, непременно грамотные, они должны сгруппироваться около своего руководителя съ единственною цѣлью послужить дѣлу Божію. Иныя побужденія для поступленія въ кружокъ ревнителей укажутъ на непригодность даннаго лица. Поэтому миссіонеру-пастырю необходимо сдѣлать строгій выборъ своихъ будущихъ сотрудниковъ, взвѣсивъ ихъ нравственныя достоинства и оцѣнивъ побужденія, руководившія ими при поступленіи въ кружокъ.

Если такія лица избраны, на миссіонерѣ руководителѣ лежитъ обязанность познакомить членовъ кружка съ главными положеніями ученія сектантовъ и съ текстами Слова Божія, опровергающими эти положенія. При существующихъ въ настоящее время пособіяхъ въ полемической, противосектантской литературѣ и при грамотности членовъ кружка, достигнуть этого очень легко въ сравнительно короткій срокъ. Не говоря о пособіяхъ системахъ, дѣлу быстрого усвоенія братчиками полемическаго матеріала могутъ служить изданные журналомъ «Миссіонерское Обзорніе» пособія въ видѣ «Миссіонерскаго Щита» и «Миссіонерскаго Путеводителя по Библіи». Затѣмъ, преподавъ нѣсколько подготовительныхъ (пропедевтическихъ) правилъ къ веденію полемическихъ бесѣдъ и устроивъ для примѣра двѣ—три такихъ бесѣды, пастырь-руководитель этимъ самымъ введетъ уже своихъ сотрудниковъ въ курсы миссіонерскаго дѣла.

Этимъ, конечно, не исчерпывается подготовительная работа

кружка къ дѣлу полемики съ сектантами. Руководителю необходимо на частныхъ собраніяхъ потрудиться надъ уясненіемъ полемической работоспособности членовъ кружка въ отдѣльности. Безспорно, что между послѣдними не всѣ въ одинаковой степени усвоятъ полемическіе приемы и по своимъ способностямъ огажутся пригодными противостоять жеученію сектантовъ. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ, больше чѣмъ когда либо, слѣдуетъ руководиться не количествомъ, а качествомъ сотрудниковъ, пусть ихъ будетъ не много, но пусть всѣ они будутъ хорошо подготовлены къ полемикѣ.

Видное мѣсто въ этихъ кружкахъ, по моему мнѣнію, должны занимать псаломщики и учителя приходскихъ школъ. Помнится, что на бывшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ педагогическихъ кружкахъ контингентъ моихъ слушателей по вопросамъ сектантскимъ состоялъ изъ учителей и учительницъ. Они съ большой охотой слушали лекціи и проявили большой интересъ къ приемамъ полемическимъ. Псаломщикамъ и учителямъ, какъ людямъ просвѣщеннымъ, и по праву должно принадлежать первое мѣсто въ миссіонерскихъ кружкахъ.

Что касается дѣятельности кружка, когда таковой уже сформируется, то она должна состоять главнымъ образомъ въ частныхъ миссіонерскихъ бесѣдахъ членовъ его съ сектантами и колеблющимися. Въ публичныхъ же бесѣдахъ братчики должны принимать участіе только подъ руководствомъ священника. Это, во первыхъ, необходимо въ виду того, что на собесѣдованіи могутъ встрѣтиться недоумѣнія, разрѣшить которые будетъ не подъ силу братчикамъ, и затѣмъ, это важно и въ томъ отношеніи, что члены кружка не будутъ собираться безъ благословенія своего руководителя. Печальный фактъ отпаденія цѣлаго кружка въ штунду, имѣвшій мѣсто въ п. Т—вѣ, тѣмъ именно и нужно объяснить, что члены его собирались сами, безъ своего пастыря. Фактъ этотъ тѣмъ поучителенъ, что онъ показываетъ, съ какимъ неослабнымъ дозоромъ долженъ слѣдить священникъ за своими сотрудниками. Точно также и измѣна цѣлямъ кружка

одиногихъ членовъ его должна быть объясняема не инымъ чѣмъ, какъ или неумѣлымъ подборомъ членовъ, или недостаточнымъ наблюденіемъ за дѣятельностью кружка *)).

Высказывая свое мнѣніе относительно устройства миссіонерскихъ кружковъ, долженъ присовокупить, что лично я далеко не симпатизирую этимъ коллегіямъ. При объявленной свободѣ вѣроисповѣданія, когда борьба съ сектантствомъ должна быть ведена исключительно на учено-богословской почвѣ, всё дѣло приходской миссіи должно быть въ рукахъ священника.

Протоіерей І. Стрѣльбицкій.

Воскресный день.

Помни Господа Иисуса Христа отъ стѣни Давидова, воскресшаго изъ мертвыхъ (2 Тим. 2 гл. 8).

Сей день сотворилъ Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оный (Пс. 117, 24).

Св. апостолъ Павелъ увѣщаетъ христіанъ не разлучаться съ мыслию о воскресшемъ Господѣ, а св. пророкъ Давидъ приглашаетъ къ священной радости въ день Его славнаго воскресенія. Сблизъ въ своей мысли и сопоставъ эти двѣ заповѣди Божественнаго Писанія, любезный христіанинъ, и тебѣ будетъ понятно, почему мы, христіане, день воскресный избрали своимъ праздникомъ.—У каждаго народа есть свои праздники, т. е., такіе дни, въ которые люди, прекращая свои обычные занятія, предаются занятіямъ религіознымъ, и которые они проводятъ радостнѣе, чѣмъ другіе будничные дни. Праздники въ религіозной жизни народовъ не возникаютъ безъ причины, случайно. Въ основаніи каждаго праздника лежитъ обыкновенно какое либо важное историческое религіозное событіе, имѣвшее вліяніе на

*) Слышно было и о такомъ фактѣ. Священникъ основалъ миссіонерскій кружокъ и членамъ его роздалъ по Библии. Основателя перевели въ другой приходъ, а члены кружка за толкованіемъ текстовъ стали обращаться къ сектантамъ.